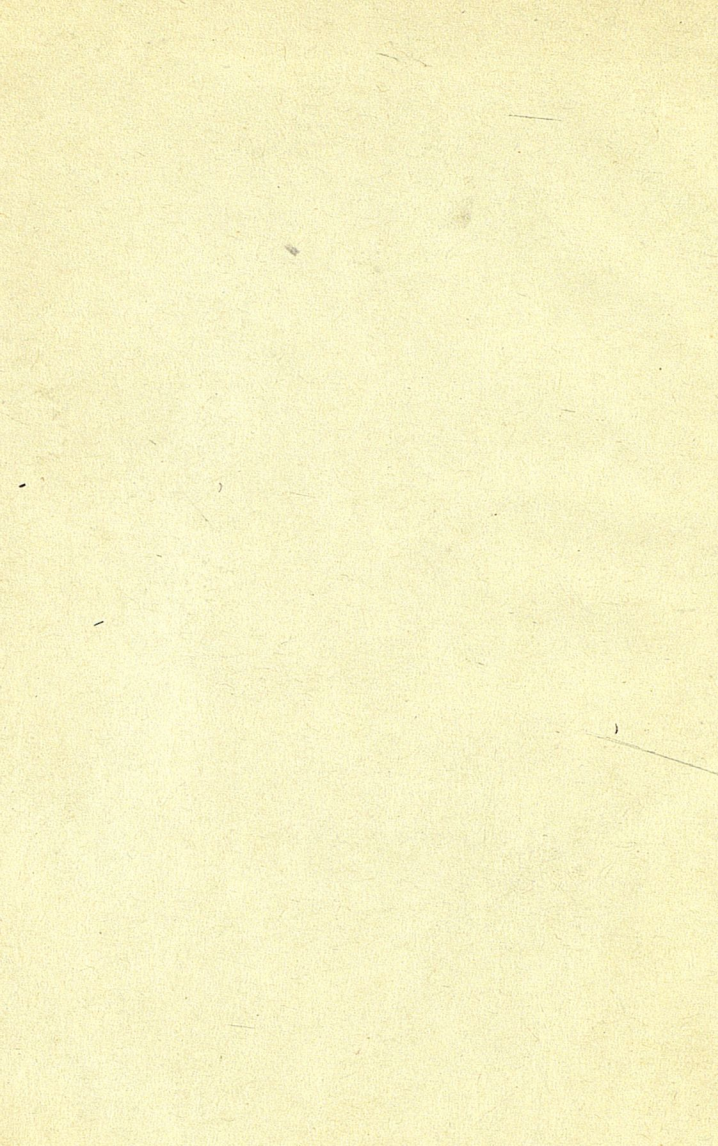

A $\frac{170}{943}$

111-3

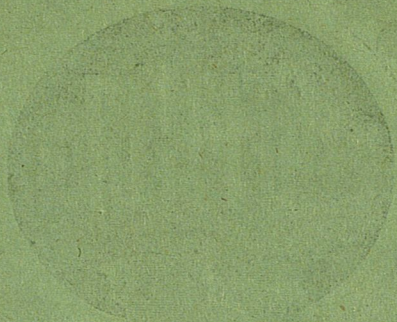

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО ПОШЛИ ВОЙНЫ
РОССІИ СЪ МУСУЛЬМАНСТВОМЪ.
КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Цѣна 7 коп.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

А 943 9110-2
ИЗЪ-ЗА ЧЕГО ПОШЛИ ВОЙНЫ

РОССІИ

СЪ

МУСУЛЬМАНСТВОМЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя.
Москва—третій Римъ.

Ап. Н. Майкова.

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, министромъ народнаго просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.

1883.

18670-0

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 мая 1883 г.

1. Взятіе турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами—съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и сербы—того-же славянскаго племени, какъ и русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ было переложено на славянскій языкъ—и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ-же болгаръ и сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и съ греческими, и читались и заучивались грамотными людьми. Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т. е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша, всѣ православныя, были

между собою какъ сестры, процвѣтшія подъ сѣнью общей матери своей—церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости, и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго, римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италиі, и это считается первый Римъ. Рассказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ; тамъ росли высокіе кипарисы и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый; а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходять корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты,—и въ короткое время, на семъ прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ, выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы священные для христіанъ. Во храмы свезены были и храни-

лись: Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіи времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святыхъ и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило—и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житія тамошнихъ монаховъ, особенно на святой горѣ Аѳонской, неподалеку отъ Константинополя; у русскихъ тамъ былъ, и теперь есть, свой русскій монастырь св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города; дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго

двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него, какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ челоуѣка, Богоизбраннаго поборника и защитника святой церкви. Они свободно допускаемы были къ патриарху, и, принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ—храмъ св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что «когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ». Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя—Константинополемъ, т. е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его—Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста—Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другаго.

И вотъ, въ теченіи времени, все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ греческой земли, и изъ сербской, и изъ волошской—вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ турки. Вдругъ въ 1382 году

пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ рассказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель; что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на турковъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что ему стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ передаться туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ и вонзилъ его прямо въ сердце султану. Видя это, турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета и одолѣли сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало; царство Сербское поборено турками, а

на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго на соборъ, для соединенія церковей Восточной и Западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и одинъ пастырь; а кто же этотъ пастырь—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на эктеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Дмитрія Донскаго Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ,—но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ сое-

диненіе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подѣ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за этого флорентійскаго собора. Приѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: «вѣру продали!» Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ—и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ Цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ турками,—что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ,—что храмы Константинопольскіе (самый храмъ св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ—на поученіе и радость вселенной и на обличеніе и посрамленіе враговъ церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей—Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василия Великаго и многихъ другихъ,—просвѣщала всѣ другія

православныя церкви и была живою хранительницею святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало-ли свѣта-преставленія? И словно стадо разсѣянное пошли скитальцами греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ собирались люди, и всѣмъ они рассказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ грековъ, а съ ними и болгаръ и сербовъ, потянулось къ Москвѣ—и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій приемъ и сильная милостыня. Страданія ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаваніемъ, а многое множество ихъ братій влачить дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры, и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства, на обильныя приношенія, которыя собирались со всей

Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ татары брали русскіе города,—какъ народъ и князья его сражались и умирали въ бою съ невѣрными,—и всё спрашивали у грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И греки рассказывали:

«У нашего императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ и пять мѣсяцевъ бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то греки успѣютъ ночью исправить. Палить онъ, палить, да вдругъ какъ ударятъ во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся турки на приступъ—и тутъ ужъ Богъ знаетъ что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачь и рыданіе женъ и дѣтей,—и съ турецкой стороны — зурны, флейты и барабаны, а съ греческой, изъ города, звонъ колоколовъ съ церковей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять

мѣсяцевъ сряду греки, хоть и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку, вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась—и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухсотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетащить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазавъ ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужъ съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ городъ и прямо къ св. Софіи; туда ворвались ужъ турки и шла рѣзня.

Султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по-турецки, то есть поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ—и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подѣхалъ онъ къ св. Софіи, вошелъ въ храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многимъ духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патриархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ,—и сказалъ при этомъ: «Простите, православные христіане! Видно часъ мой пришелъ—испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели турки возьмутъ меня живаго въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ—и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою». Засимъ онъ причастился св. тайнъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора бьющимся съ турками во вратахъ градскихъ и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ укра-

шеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непременно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество—и греческихъ, и турецкихъ: стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они разсмотрѣли—точно-ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: «она и есть глава царева». Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее къ патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебряный ковчежець, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ св. Софіи».

Много страшнаго и чудеснаго рассказывали греки. Говорили, между прочимъ, что «въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревоиъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполь, — что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери небесныя и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенныя о томъ, что это значитъ, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія (и съ нею ангелъ Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему), въ сію ночь отошедшая на

небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предастъ нынѣ градъ сей въ руки враговъ».

Въ Москву къ великому князю стали постоянно приѣзжать знатные и ученые изъ грековъ, и сербовъ, и болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали и разсуждали подробнѣе, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли дѣло: «Всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что съизначала, когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ разслалъ св. Апостоловъ по всей землѣ проповѣдовать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою, и въ случаѣ какихъ неуройствъ собираться на вселенскіе соборы, и соборне постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалось въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Иисуса Христа—и сталъ требовать, чтобы вся вселенская церковь признала его главою и повелителемъ. И церкви—британская, и гальская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и нарекъ

римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: «Будь ты мнѣ правою рукою и приведи ты подъ власть мою всю землю». Накинулись они на славянскія царства, исповѣдовавшія греческую вѣру по книгамъ св. Кирилла и Меѳодія, и—гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ—успѣли отторгнуть отъ единой православной вселенской церкви въ свое стадо, изъ общей единой семьи славянской, чеховъ, мораванъ и поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались только о вѣрныхъ отеческой церкви сербовъ, болгаръ, грековъ и русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство. И какихъ бѣдъ они ему не причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Ерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, и шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ, и учредили тамъ свою латинскую имперію, и были намъ хуже турковъ—потому что турки все таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдовать, а латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ! Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечемъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у латышей и эстовъ, у литовцевъ, и у васъ русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками! Нашимъ законнымъ императорамъ удалось таки отнять опять Царьградъ и выгнать лати-

нянъ, а у васъ—сами вы знаете—ваши князья, св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то русскую землю!»!

«Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть,—продолжали бесѣдовать греки,—что мы, греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того, чтобы самимъ крѣпко биться съ латинянами—вызвали мы турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселилися въ нашихъ земляхъ; латиняне и стали ихъ наускивать на насъ, думая, что какъ потѣснять насъ турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалбуютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи, въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ, и даже духовныхъ, согласились было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче—покойный императоръ Константинъ Палеологъ; всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: «Лучше турки, чѣмъ латинны!»... Взяли турки Царьградъ—папы и думаютъ, что

ужь теперь то насъ, православныхъ, сломать, и говорить и пишутъ намъ: «Видите-ли вы, неразумные греки, до чего довело васъ ваше упорство—не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ,—вы стали рабами поганыхъ; наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзьбою и письмомъ,—ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лицо Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы—и папа проститъ васъ, и пошлетъ королей своихъ выгнать турковъ изъ вашей земли, и будете вы спасены». Но и въ неволѣ, и въ бѣдствіи, мы отвѣчаемъ папѣ: «Судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару; но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ турокъ, чѣмъ душу погубить, отъ истинной вѣры отречься—и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ; здѣсь на землѣ установилъ Онъ свою апостольскую церковь, во главѣ ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Иисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ церкви пребывая и животворя ея, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ св. соборовъ. Человѣкъ

ты еси—и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ же Святый, въ церкви пребывающій, вѣченъ и неизблемъ и премудрости исполненъ».

«Таково-то, государи, несчастное положеніе наше», говорили греки. «И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святыя храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ св. Софіи—и снова огласитъ его ангельское пѣніе и послышатся въ немъ слова Бога живаго?»

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы—и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія! Но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью татаръ, а другая половина Руси во власти у латинянъ, у Литвы и Польши; да если бы и пойдти русскимъ отбивать Царьградъ для грековъ, то привелось бы въ одно время воевать и съ турками, и съ латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на востокъ.... «Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ,—съ горестью говорили наши грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его».

— «Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умуд-

ряеть, — отвѣчали греки, — а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что записано. Когда св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій — и на змія ниспалъ съ неба орелъ, и подхватилъ змія и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрыжись изъ глазъ; но скоро орелъ опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одождывать; увидавши это, подбѣжали люди — и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій — мусульманское, — и значить, что мусульманство одолѣеть христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, — что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ.... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ великій русскій народъ!»

— «Аминь! Да будетъ воля Господня!» говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы — и осѣняли чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительство святаго промысла Божія.

II. Москва—третій Римъ.

А промыселъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю русскую скоро имѣютъ получить свою мзду; явно было, что данничеству ордынскому скоро прійдетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Дмитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ—и даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выросавшій при немъ сынъ его, Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей Новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ,

Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: «Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!» и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: «Отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!»

Василій Темный умеръ. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, греки—даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣрѣ,—увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самого православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—Московское, то на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборно выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника церкви—лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ,—греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествамъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ. Многіе изъ знатныхъ грековъ проживали въ Римѣ—и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ стали папѣ внушать мысль,

что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софьѣ Ѳоминишнѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка—обратила бы самого въ католичество; онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль, и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба, и повезъ невѣсту. «Ну, дочь моя,—говорилъ, отпуская ее, папа,— послужи святому престолу римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру». Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантии, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по-своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы—крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ

вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда и не измѣняла православію, — и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ. Кардиналь началъ было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора, — такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно-же было вѣрить: Фрязинъ вралъ отъ своего лица, и никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не надолго, — потомъ опять принялъ на службу. Кардиналь съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права ея предковъ: и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ — двуглаваго орла, и въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать — сидя на престолѣ, въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регалии — были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника,

онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Явно было, что, какъ сказалъ нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая «свѣча» зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, даже наружный видъ ея. Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянную, а оставилъ каменную, златоглавую; было на что, еще издали, подѣвжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ высокія каменные стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный, вмѣсто обветшавшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворець, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и приемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, итальянцевъ и грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; первое, онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т. е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ, поставилъ тамъ-города и селенья, и державствовалъ надо всею этою странюю. Горды были новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіятскіе; съ своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха и продавали нѣмецкимъ куп-

цамъ, и посылали сами корабли за-море, черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвались боярами; вся земля была ихняя: города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко—и все на свою только пользу; словомъ: изъ всѣхъ своихъ земель, какъ говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили судъ и тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по старинному—*въче*: ударятъ въ вѣчевой колоколъ, и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормяжниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ мосту. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны московское государство, а съ другой—литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи купцы, бояре захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное—короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертью. Такой порядокъ нравился богачамъ купцамъ, боярамъ новгородскимъ—и желательно было имъ завести его и у себя; но черный людъ новгородскій на это не соглашался, и лучше хотѣлъ совсѣмъ

отойти подь государя московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ—и для большихъ, и для маленькихъ людей. Иванъ Васильевичъ уже одинъ разъ усмирить новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ московскому государству, потому что понималъ—если бы да успѣла Литва захватить новгородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и поляки стали бы пановать надъ русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ и заперъ всѣ у него входы и выходы; самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню новгородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонятъ въ вѣчевой колоколь, собираются, кричатъ; одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казимира литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ. Въ дѣла путаются и богачихи-боярыни, и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается,—молчитъ и смотритъ. Вотъ наконецъ стали у новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? «Сами знаете», отвѣчаетъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ; вѣче уничтожено; колоколь снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ

на колокольні звонить за одно со всіми русскими колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ московскому государству.

Также рѣшительно Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Рассказываютъ, что Софья Ѳомишишна постоянно твердила ему: «Не для того, молю, вышла я за тебя замужъ, чтобъ ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками». Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье на Москвѣ—царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ прислалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображение хана, по татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всімъ дворомъ своимъ на встрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ, къ ихъ ужасу, изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: «Ступай, расскажи хану, что сдѣлалъ я съ его басмою и послами. Тоже будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ». Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда, свое войско; а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не

знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай—и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадеда его Димитрія Донскаго, называли его «бѣгуномъ» и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услышалъ, что русскіе сожгли его столицу,—и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву, и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усумнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московско́й Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали,—чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о величїи

своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія—царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, и на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда русскіе люди съ гордостью стали говорить: «Государя наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое богоспасаемое ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтитса! Два Рима пало, третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не быть».

И не одни русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвавшее государство Московское—одно изъ православныхъ государствъ свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу Московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь—стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то ра-

зумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ Литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король—католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу. Иванъ III и сынъ его стали именоваться государями всея Руси и начали требовать древней своей отчины—Кіева и всѣхъ русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во время татарскаго владычества. Иванъ Васильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ—Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь. Государь велѣлъ перестать стрѣлять, и смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовью, на встрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ,

прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ. Протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ и оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многія лѣта». И снова въ церкви пролилися слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали тихо и осторожно; употребляли силу ужь тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ, Иванъ IV Васильевичъ Грозный. Оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ, —наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ, —горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой—и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судьбъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло онъ двинулъ впередъ со всею

горячностью своей вѣры—и все, при немъ совершенное, было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена. Чего довершить не удалось ему—довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное, послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіи времени,—возобновляется у насъ только нынѣ, конечно въ лучшемъ видѣ. О Царѣ Иванѣ Грозномъ скажемъ во второй книжкѣ.

торжественно своей веры — и все, при нем совершено
 было так и так задумано, что не нарушилось во все
 последующие смутные времена. Это доверие не уда-
 лось ему — доверие было твердо Великим и Им-
 ператором. И в конце при нем заведено, после раз-
 ряда шатан и переводится в те же времена —
 возобновляется у нас тогда еще, конечно, в ту-
 том же. О том же в том же, конечно, во второй
 раз.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

1) О Богослуженіи Православной церкви. Свящ. М. Соколова. Ц. 8 к. 2) Уничженіе на землѣ Господа нашего Иисуса Христа. Съ раскр. изобр. Ц. 8 коп. 3) Жизнь Божіей матери. Свящ. М. Соколова. Съ раскр. изобр. Ц. 15 коп. 4) Первые вѣна христіанства и распространеніе его на Руси. Съ 3 раскр. изобр. Свящ. Опатовича. Ц. 10 к. 5) Великій постъ. Чтеніе священника М. Соколова. Ц. 10 к. 6) Богомольцы у святынь Кіева. I. Лавра. И. Хрущова. Съ 3 изобр. Ц. 15 к. 7) Богомольцы у святынь Кіева. II. Старый Кіевъ. И. Хрущова. Съ 2 изобр. Ц. 10 к. 8) Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 7 к. 9) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к. 10) Невская битва и Ледовое побоище. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к. 11) Кулиновская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к. 12) Покореніе царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскр. карт. Ц. 5 к.	13) Изъ временъ покоренія Сибири. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к. 14) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. картин. Ц. 12 к. 15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 коп. 16) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. картин. Ц. 15 коп. 17) Тарась Бульба. Историческая повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к. 18) 19 февраля 1855 — 1880 г. Доброписцева. Ц. 5 к. 19) М. В. Ломоносовъ. А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к. 20) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Съ 2 раскр. карт. И. Алфеева. Ц. 15 к. 21) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к. 22) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к. 23) Дѣдушна Крыловъ и его басни. А. Филонова. Съ раскр. карт. Ц. 10 к. 24) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ 2 раскр. карт. Ц. 10 к. 25) Разсказы о севастопольцахъ. А. Супонева. Съ 2 раскр. карт. Ц. 15 к.

26) Кулибинъ, механикъ-самоучка. Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. карт. Ц. 8 к. 27) Двѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Ц. 5 к. 28) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскр. карт. Ц. 15 к. 29) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. Ц. 15 к. 30) Архангельскіе нитолы. Повѣсть Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к. 31) Александръ I Благословенный. Съ 2 карт. Ц. 8 к. 32) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ 1 карт. Ц. 8 к. 33) Роковой владъ. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.	34) Жизнь святаго Николая Чудотворца. Свящ. М. Соколова. Съ изображеніемъ святителя. Ц. 8 к. 35) Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева. Ц. 35 к. 36) Свято-Троицкая Сергіева Лавра. И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к. 37) Священное коронованіе и помазаніе царей на царство. И. И. Петрова. Съ фототипными портретами императора Александра III и императрицы Маріи Феодоровны. Ц. 10'к. 38) Сборникъ стиховъ. Вып. I. Ц. 8 к. 39) Сборникъ стиховъ. Выпускъ II-й. Ц. 8 коп. 40) О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о мамаевомъ побоищѣ. Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.

Примѣчаніе. Пересылку книгъ въ количествѣ 300 и болѣе экземпляровъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, Коммисія принимаетъ на свой счетъ, при высылкѣ же почтою прилагается стоимость пересылки, считая каждыя 10 книгъ за фунтъ.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: въ С.-Петербургъ, къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи, въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербурѣ: при канцеляріи Коммисіи, Лиговка, противъ Греческой церкви, домъ Петрова, и въ книжныхъ магазинахъ В. А. Цвилева (Фонтанка, № 41) и Фену и Комп.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО ПОШЛИ ВОЙНЫ
РОССІИ СЪ МУСУЛЬМАНСТВОМЪ.
КНИЖКА ВТОРАЯ.

Цѣна 5 коп.

